

Точка зрения

Художник Б. ДОМАШНИКОВ:

А НЕОТКРЫТЫЕ МИРЫ — РЯДОМ

С народным художником СССР, лауреатом премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева Б. Домашниковым мы беседовали в залах его персональной выставки, которая 10 января открылась в Москве, в Центральном Доме художника.

— Борис Федорович! С детства мы видим мир в красках, ярко, свежо. Но потом не очень печалимся, что чуть ли не в каждом из нас «умер» художник. Единичам удается не расплескать чашу «весеннего детства» (ваши слова). На этой выставке многие отмечают, что чистое, весеннее, светлое восприятие мира — общая нота вашего творчества. Когда вы сами почувствовали, что вы — художник?

— Знаете, у меня в детстве был друг. Коля Волков. Любил рисовать лошадей. Но почему-то грустных, неказистых. Я говорил: «Колька, ты чего так неинтересно рисуешь?» Сам старался лошадей нарисовать таких, каких видел на расписных лаковых коробках, — подекоративнее, с развевающимися гривами. А он мне отвечал: «Посмотри, лошадь — такая! Это же правда!»

Детство мое прошло в ивановской деревне Кригоузово, потом на рабочей окраине Уфы. И все оно было заполнено тогда красками, звуками. Я не мыслил себя в будущем иначе, как художником. Но только намного позже, уже в зрелости, пройдя непростой путь и в жизни, и в живописи (был и художником-оформителем, и школьным учителем, и декоратором в кукольном театре, много занятий перебрал), понял, как прав мой друг. Когда завяжутся в один узел культура, красота, правда, совесть, — вот тут и начинается художник. Но завязывается этот узел с правдой.

— Мы сегодня спешим, бегаем, летаем, чуть ли не обгоняем движение солнца по часо-

вым поясам (а на космических орбитах и обгоняем). Не мешает ли это современному художнику, оседлавшему и автомашину, и авиалайнеры, сосредоточиться на смысле жизни, смысле нашего времени?

— У меня машины нет. Но ведь не в ней дело. Кому нравится, пусть ездит. Хуже другое: когда в обмен на новые скорости — вы правы — мы отдаем углубленный подход к окружающему нас миру.

Наша отечественная культура всегда была патриотична, глубока, несуетна. Почему я не верю в иные псевдопатриотические картины? Потому что их авторы надеются, что поспешное стремление подгадать со своим полотно к важному событию, обращение к важной теме «прикроют» слабый художественный уровень, прямолинейность. Наступает час, когда все становится на свои места. И это отрадн.

В Италии я был в мастерской Ренато Гуттузо, видел незаконченный портрет Ленина. Меня поразило, как художник волнуется, нервничает, ищет свою тональность личного «разговора с товарищем Лениным».

Ленин, Революция, Война и Победа — эти темы предполагают высочайшую порядочность. «Лениниана» Андреева ведь стала вехой не только потому, что обращается к образу гения, но и потому, что это был подвижнический поиск великого художника.

Погружение в глубину — вот что важно. Навизно подменять представление о народности игрой в народность, сувенирной матрешкой. Если даже внутри

ее десять матрешек, все равно в последней ничего нет. Мне кажется, точно говорят о судьбе и душе народа, серьезности и глубине человеческих взаимоотношений в его недрах, о его благородстве и стойкости полотна Виктора Попкова «Осенние дожди (Пушкин)», «Шинель отца», «Северная песня», «Хороший человек была бабка Анисья», проза Распутина, Быкова, Айтматова.

— Вы сказали о соединении культуры с правдой. Как к этому идти?

— Вглубь к этому идти! Пластов всю жизнь писал свою Прислонику и открыл в ней целый мир и красоты, и правды, включил прислоникинских мужиков в сокровищницу искусства, культуры. А когда смотришь некоторые нынешние «производственно-территориальные» циклы, сотворенные по бригадно-экспурсионному методу, обидно становится: какое великое множество у нас в стране неоткрытых Прислониных, неоткрытых миров. Причем необязательно это село. Это может быть город, завод.

— Понятно, что для живописца мастерская — и рабочее место, и частичка его духовного мира. Не кажется ли вам, что этого одухотворенного, творческого отношения к своему труду, к своему рабочему месту не хватает в ряде других областей нашей жизни?

— Думаю, понятие мастерской, которая самоорганизует человека, настраивает его на труд, важно не только в искусстве, но и в любом деле. Рабочее место не должно быть, как сейчас стало для многих, «конторой» и «службой», где они отбывают «от» и «до». Соотнеси, свяжи твой духовный мир

с твоим рабочим местом. С этого начинается любое подлинное творчество.

— Но это — идеал. Часто от человека такое совмещение просто не зависит.

— Конечно. И все-таки сколько несвершившихся судеб (имею в виду неосуществленные возможности) — по вине самих людей. Растрата таланта — преступление перед обществом. Опять же, не только в искусстве. Даже если найти какие-либо сверхточные критерии трудового вклада каждого, талант всегда будет обходиться дорожее, забирать больше нервов, сил, диктовать равнодушие, тревогу.

Конечно, есть и нетворческие, монотонные, но пока еще необходимые виды труда. Однако что опасно? Что к своей работе многие начинают относиться потребительски: «А что мне это место даст?» И даже судьбу свою выбирают потребительски. Но самое страшное, пожалуй, когда потребительство проникает в школу, воспитание и в искусство, которые всегда были противоядием против потребительства.

Я не мыслю искусства без поисков и экспериментов. Закономерно, что молодые в поисках себя, своего пути, своей манеры быются. бушуют, как пламя, среди классических, устойчивых колонн. Но тревожит меня, что некоторые молодые и не хотят идти дальше эксперимента. Их устраивает чисто внешнее, формальное обозначение новизны, движение по течению, следование неким однообразно модным духовным, точнее, может быть, будет — бездуховным стандартам.

— А как этому противостоять?

— Культурой. Глубокие мысли на этот счет — о нашем про-

тивостоянии бездуховности, потребительству — заложены в проекте новой редакции Программы партии. Культура не может быть в стороне от борьбы за то, чтобы выше поднять духовный уровень и народа, и каждого человека, — речь идет и об отношении его к миру, и о том, каков он в быту, в человеческом нашем общении.

— Какой «вечный двигатель» заставляет художника часы, годы проводить наедине с холстом и красками? Радость творчества? Долг?

— У каждого из нас есть долг перед совестью. И оплатить бы хоть толику за десятилетия, отпущенные на труд и жизнь!

Для меня это память о войне, о невернувшемся с фронта отце. Я это пытался сказать в «9 мая», «Солдатском кладбище», в «Памяти отца». Но еще не сказал, не досказал, что душу мучит.

Это и попытка осмыслить связь сегодняшней Родины с веками России, с Новгородом и Псковом. Это, наконец, долг перед Москвой и ее Красной площадью — тема, к которой я шел от детства и пришел с большим опозданием. Мне давно хотелось выразить не только то, что я буквально видел в столице на праздничной Первомайской площади, а и мое представление о Москве как образ, как песню из детства: «Утро красит...» Это все я ощущал когда-то на своей окраинной Первомайской улице, где все тоже было весеннее, звучное, красочное. Представьте: грачи орут, белизна берез, синева неба. А по улице идет демонстрация с красными флагами. Сызмальства был влюблен в красивый цвет, в его красоту и выразительность. Красный флаг — это время, примета века.

И вот, когда писал свою «Красную площадь», то как бы преодолевал пространство, через тысячи километров, и время, через десятки лет, до улицы детства.

— Для духовного мира человека пейзаж, во всяком случае на протяжении двух последних веков, очень многое значил. Не кажется ли вам, что в связи с обострением экологической обстановки на планете он обретает все большее общественное звучание, становится упреком, напоминанием, какую красоту мы можем потерять?

— Согласен. При оговорке: пейзаж — ценность не только для духовного мира. Он сам — выражение не состояния погоды, а состояния души. С годами все больше начинаешь понимать, как это глубоко — Левитан, Нестеров, Бялыницкий-Бируля...

Но насчет экологической остроты вы правы. Еду я в поезд, любуюсь красивым заснеженным полем, перелесками. И вдруг проводник говорит: «Здесь раньше столько зайцев было, а теперь ни одного следа. Химией посыпают». И поле мертвеет на глазах.

Когда мы поселились на берегу Белой, в Уфе, всегда в начале лета слушали кукушку. А теперь где ее на городской окраине услышишь? И словно бы счет времени остановлен.

Для меня лично существует такое противоречие. Мои пейзажи неотделимы от всех красок жизни. Это весенние воды, небо, грачи, березы, подснежники. Но это и поезда, уральские городки, заводы, домны. И вот до боли хочется, чтобы все это было в согласии, а не в противостоянии. В картине иногда удается такое согласие. В жизни, к сожалению, далеко не всегда.

— Красота расходуется с правдой?

— Я же говорю — противоречие. И тут искусство, пейзаж обращаются не только к эстетическому чувству, но и к совести людей, обнажают противоречие. А тем самым, может быть, и зовут его разрешить.

Беседу вел
Ким СМЕРНОВ.